

ВО ВЛАСТИ ХАБСА

СОВРЕМЕННОКИ О ВОЙНАХ
И РЕВОЛЮЦИЯХ 1914-1920

**Во власти хаоса. Современники
о войнах и революциях 1914–1920**

«Грифон»

2007

УДК 88.2
ББК 63.5(2)

Во власти хаоса. Современники о войнах и революциях 1914–1920
/ «Грифон», 2007

Книга представляет собой композицию из фрагментов свидетельств и воспоминаний о заметных личностях и событиях Первой Мировой и Гражданской войны, а также двух революций 1917 года – Февральской и Октябрьской. В книгу включены также фрагменты из художественных произведений на ту же тему, имеющих автобиографический характер (Алексей Ремизов, Артем Веселый) или написанные в жанре беллетризованной биографии (Роман Гуль, Марк Алданов). В своей полноте книга должна передать атмосферу лихолетья 1914–1920 годов и познакомить читателя с наименее до сих пор освещавшимися событиями и сторонами жизни их участников.

УДК 88.2
ББК 63.5(2)

, 2007
© Грифон, 2007

Содержание

От составителя	6
Часть 1. Бандитизм как форма элитарного существования	8
Махно. Из воспоминаний Н. В. Герасименко	8
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Во власти хаоса. Современники
о войнах и революциях 1914–1920**
(автор-составитель Леонид Аринштейн)

© Грифон, 2007

© Л. М. Аринштейн, составление, композиция, подготовка текстов, 2007

© В. С. Голубев, оформление, 2007

* * *

От составителя

В незатейливом анекдоте о Петьке, сидящем на рельсах, и Василии Ивановиче с его «Подвинься, Петька, я тоже сяду», – может быть, лучше, чем во многих исторических трудах, схвачен тот уровень бессмысленности, который охватил русское общество в первой четверти двадцатого столетия и привел к катастрофическим войнам и революциям 1914–1920 годов.

Я, признаюсь, не люблю исторических трудов. В них все слишком выстроено: факты, причины, следствия гладко подогнаны, как в регулярном французском саду. В реальной жизни нет такой правильности. А если добавить к этому характерное для большинства работ историков многословие и тяжеловесность стиля, то понятно, почему их мало кто читает.

Другое дело – мемуары. Пусть они не столь глубоки, как академические исследования, но зато насколько они свободнее, живее, насколько вернее передают вкус и запах эпохи. Понятно, и здесь есть свои огрехи. В мемуарах много неточностей: то память подведет мемуариста, то хочется ему выдать желаемое за действительное, да и самому немного покрасоваться. И все же, в лучших произведениях мемуарной литературы немало убедительного, увлекательного, исторически верного. Особенно это относится к тем из них, которые были написаны вскоре после событий, по горячим следам. Это, собственно, даже не воспоминания, а *свидетельства* современников. Большая часть книги как раз и состоит из такого рода материалов – свидетельств о двух войнах, Первой мировой и Гражданской, и двух революциях, Февральской и Октябрьской. Перерывая на протяжении довольно длительного времени различные исторические труды и мемуары на эту тему, я как-то скорее даже подсознательно, чем целенаправленно отбирал именно такого рода свидетельства.

Действительно, в десятках исторических трудов и воспоминаний я читал о самоубийстве Донского атамана Алексея Максимовича Каледина. Но по-настоящему я почувствовал всю глубину и неотвратимость этой трагедии, когда прочитал очерк М. Богаевского, человека, близкого Каледину, с которым тот советовался по важнейшим вопросам в последние свои предсмертные дни и который вбежал в комнату атамана через несколько минут после выстрела... Очерк был написан уже через 3 или 4 дня после рокового события, а сам М. Богаевский как бы расписался кровью за свою правду – в том же 1918 году он был расстрелян большевиками.

Или же не столь трагический, но столь же эмоционально впечатляющий «эффект присутствия» в записи драгунского офицера Аркадия Столыпина о его состоянии, когда вскоре после Февральской революции ему было приказано снять с погон вензеля Императора...

Я не хочу этим сказать, что воспоминания, написанные двадцать или тридцать лет спустя, не могут быть столь же увлекательны и исторически правдивы. Например, воспоминания графа Зубова о революционных днях в Гатчине или впервые публикуемые по рукописи воспоминания Н. Я. Галая о его восприятии двух революций не уступают свидетельствам, написанным по горячим следам.

Важным критерием при составлении книги было для меня, помимо сказанного, свежесть материала. Я стремился отобрать не только самые любопытные, но и наименее заезженные воспоминания. С этой целью я определил круг лиц и событий, которые по моему разумению, с одной стороны, должны быть всем интересны, а с другой – не очень известны. Вот, к примеру, адмирал Колчак. Сколько всего и возвеличивающего и уничижительного написано в книгах и показано в фильмах об Омском периоде его жизни и о его трагическом конце. А вот интереснейший период, когда он командовал Черноморским флотом (где его и застала революция), мало кому, кроме специалистов, известен. Или же генерал Ренненкампф. Несть числа военно-историческим трудам, посвященным не самой удачной операции русских войск в Восточной Пруссии в начале Первой мировой войны, но одно из центральных действующих лиц этих

событий – генерал Ренненкампф остался где-то в тени, припечатанный к тому же военными историками серией нелестных эпитетов.

И еще одна особенность этой книги. Я убежден, что длинные, растянутые на многие десятки и сотни страниц повествования не способствуют восприятию современным читателем динамики той эпохи. Поэтому практически все тексты в этой книге даны в сокращенном виде. Некоторые из них сокращены сравнительно незначительно, не более чем на треть (очерки о Махно, Пилсудском, Колчаке). Другие более чем наполовину («Как Латвия не стала советской»). Третьи вообще представляют собой фрагменты крупных художественных произведений (А. Ремизов, Р. Гуль, А. Веселый) или же статей и записок (А. Столыпин, Е. Шелькинг, М. Свечин, Б. Пылин, А. Брагин). При этом ни в одном случае я не позволил себе замены авторских слов и выражений моими собственными. Композиционное расположение текстов подсказало мне систему соответствующих заголовков, отличных от авторских. Однако во всех случаях я привожу и авторские названия целостных произведений и их частей.

Из сказанного видно, что я не ограничился в этой книге представлением воспоминаний и свидетельств, так сказать, «в чистом виде», но включил, помимо них, и несколько отрывков из художественных произведений. Это уже упомянутые свидетельства Алексея Ремизова о «взвихренном» революцией Петрограде, претворенные им в гениальную художественную прозу («Взвихренная Русь»). Это также «Россия кровью умытая» Артема Веселого и беллетризованные биографии – Котовского, написанная Романом Гулем, и Пилсудского, написанная Марком Алдановым. Очень советую моим читателям не ограничиваться помещенными в этой книге фрагментами, а прочитать их произведения полностью.

В заключение хотел бы сказать следующее. Эта книга имеет для меня еще и личный характер. Дело в том, что рассказами о *той* эпохе я был слышан с раннего детства. Я родился в Ростове-на-Дону, центре Белого движения, через несколько лет после ухода Добровольческой армии с Дона, и вся жизнь моих родителей и ближайших родственников была напрямую связана с событиями, которым посвящена эта книга. Мамин брат и ее дядя служили у Деникина и были расстреляны большевиками. Отец, тогда студент-медик, стал свидетелем захвата Екатеринослава махновцами и, согласившись на уговоры, какое-то время был врачом в одном из махновских отрядов...

Множество предметов, связанных с той эпохой, окружали меня в детстве – от выброшенных банкнот «Банка Юга России» с портретом Деникина, которыми мы играли мальчишками, до нот «Прощание славянки» с изображением офицеров в погонах на пианино у матери, на которые почему-то ни разу не обратили внимания красноармейцы, неоднократно проводившие у нас обыски...

Всё это заставило меня уже в сознательном возрасте с особым интересом относиться ко всему, что воскрешало в памяти атмосферу тех дней.

Вот почему мне хотелось бы, чтобы эта книга смогла передать ощущение лихолетья двух войн и двух революций 1914–1920 годов и познакомить читателя с наименее освещенными сторонами жизни известных персонажей и малоизвестными деталями известных событий той эпохи.

Леонид Аринштейн

Часть 1. Бандитизм как форма элитарного существования

Махно. Из воспоминаний Н. В. Герасименко

Особенности гражданской войны заставили меня пробыть у Махно довольно продолжительное время, что дало мне возможность наблюдать не только самого Махно и его приближенных, но и основательно окунуться в самую глубину крестьянского движения, возглавляемого Махно. С этими наблюдениями я и считаю своей задачей познакомить читателя.

Махно до революции 1917 года

Нестор Иванович Махно родился в 1884 году в селе Гуляй Поле Екатеринославской губернии, в семье малоземельного и бедного крестьянина, который занимался скупкой рогатого скота и свиней по заказам мариупольских мясников.

До одиннадцати лет молодой Махно, посещавший школу, помогал отцу в разделке свиных туш, а затем мальчика определили в один из галантерейных магазинов гор. Мариуполя.

С первых же дней службы в магазине для всех было ясно, что приказчика из Махно не получится.

– Это был, – как рассказывал впоследствии старик-приказчик, у которого Махно был подручным, – настоящий хорек; молчаливый, замкнутый, сумрачно смотрящий на всех недобрым взглядом необыкновенно блестящих глаз. Он одинаково злобно относился как к служащим, так и к хозяину и покупателям. За три месяца я обломал на его голове и спине совершенно безо всякой пользы до сорока деревянных аршинов: наша наука ему не давалась.

От мальчика требовали покорности, почтительности и выполнения мелких услуг, но будущий крестьянский вождь, презирая старших, вместо скучного дела за прилавком, предпочитал ловлю бычков в море или шатанье с шумной ватагой праздных уличных мальчишек по порту или окрестностям города.

На побои, которыми щедро награждали его со всех сторон, мальчик отвечал мстью: он ловко и незаметно отрезал пуговицы с костюмов приказчиков, подливал касторовое масло в чайник с чаем, а своего учителя-приказчика однажды после порки сгоряча облил кипятком так, что старика в обморочном состоянии отвезли в больницу. Но этим не кончилось. Когда жена хозяина магазина сделала попытку выдрать мальчика за уши, он до крови искусал ее руки и, боясь наказания, сбежал из магазина, скрываясь неизвестно где.

Хозяин вызвал из села отца. Мальчика разыскали, выпороли и устроили в типографию для обучения делу наборщика. Типографское дело пришлось Махно по вкусу: он с интересом присматривается к работе наборщиков, расспрашивает их. Учитясь разбирать шрифт, проявляет бойкость, сметливость. В типографии его начинают ценить, поощрять – и это вернее всяких побоев достигает цели: Махно с утра до вечера просиживает в типографии – он уже умеет держать в руках верстатку, его рука быстро и ловко бежит по клеточкам кассы.

Порт и ловля бычков забыты, забыты и детские шалости с ватагой уличных мальчуганов. Махно не узнает. Он берется за книги, тетради, появляется жажда знания: Махно работает над самообразованием, упорно, настойчиво, проявляя несомненные способности.

На мальчика обращает внимание работавший в той же типографии анархист Волин, который заинтересовывается занятиями Махно и помогает ему пройти дома курс городского училища.

После ареста Волина занятием Махно руководит эсер Михайлов. По его совету Махно сдает экзамен на звание сельского учителя и в 1903 году получает место учителя в одном из сел Мариупольского уезда.

С первых же шагов своей учительской деятельности Махно принялся за проповедь среди крестьян анархического учения. На этой почве у него начались неприятности с полицией и начальством. В результате Махно лишают места учителя и высылают в Гуляй Поле под надзор полиции.

В родном селе Махно сразу приобретает популярность и неограниченное влияние на крестьянскую молодежь... Сверстники Махно помнили его по школе, по играм и шалостям, и вдруг этот маленький Нестор, которого они часто били, возвращается домой с дипломом учителя, «героем», пострадавшим за убеждения, «борцом» за народ и правду. В результате он настолько подчиняет своему влиянию крестьянскую молодежь, что фактически становится хозяином села: его распоряжений никто не смел ослушаться.

– Я приказал, и надо исполнить, – властно распоряжался Махно, сверкая блестящими глазами.

И его приказы исполнялись. Махно и его товарищи занимались тем, что совершали налеты на погреба и сараи зажиточных крестьян и помещиков и по ночам устраивали бесшабашные кутежи, о которых потом говорила вся деревня.

Слава о подвигах Махно и его молодцев разносится далеко за пределы Гуляй Поля. Помещики побаиваются Махно, полиция бессильна с ним бороться. Впрочем с полицией Махно умел ладить, и в этом сказывается его двойственный, коварный характер. Проповедуя анархические идеи, Махно в то же время ведет самую тесную дружбу с урядниками и даже приставом, устраивая с ними невероятные попойки. И эти попойки всегда устраивались после ограбления чужого погреба или после того, как он возьмет откуп с крестьянина, устраивавшего свадьбу. Откуп брался под угрозой разгрома свадебного кортежа. Когда товарищи укоряли Махно за его дружбу с полицией, Махно только загадочно улыбался.

– Не вам, дуракам, давать мне отчет, – резко говорил он им, обрывая разговоры на эту тему.

К Махно потянулась молодежь с окрестных сел, Махно стали подражать. Крестьянская молодежь отбивалась от дела, пьянствовала и озорничала. Кто знает, может быть, уже тогда зародилась та «махновщина», которая в дни революции запылала зловецким огнем по всей Новороссии?

Дружба с полицией дала свои результаты. В 1905 году Махно получил политическую благонадежность, ему разрешили учительствовать и дали школу в с. Петровском, Бердянского уезда.

Однако и на этот раз Махно недолго пробыл учителем. Подошли октябрьские дни, зазвучали речи о свободе, страна всколыхнулась – и Махно с головою окунулся в революционную стихию.

В начале 1906 года он организовал смелое нападение на бердянское уездное казначейство. Во время налета Махно совершил тройное убийство, захватил кассу и скрылся. Один из соучастников выдал Махно, и его арестовали. До суда Махно содержался в Бердянской уездной тюрьме, но за попытки к побегам его перевели в херсонскую губернскую тюрьму, где за ним строго следили. В 1907 году Таврическим окружным судом Махно был приговорен «за разбой и убийство» к бессрочным каторжным работам и переведен для отбывания наказания сначала в Орловский централ, а затем в Акатуй и Зарентуй.

По рассказам одного из «атаманов», Чалого, бывшего «потемкинца», отбывавшего вместе с Махно наказание в Акатуе, Махно не сразу сумел приспособиться к тюремному режиму, многократно делал попытки к побегу, поражая администрацию тюрьмы своей изобретательностью. За попытки к побегу Махно наказывали карцером и плетью. Но Махно не расставался

с мыслями о свободе. Его последняя попытка к побегу была совершена во время групповых работ. Махно удалось скрыться. Но произведенной облавой он был найден спрятавшимся в сарае с дровами и долго не сдавался, отбиваясь топором. За этот побег он понес особенно тяжелое наказание.

С этого момента Махно становится неузнаваем: он стал болеть, хиреть, пассивно относиться ко всему окружающему и не принимает участия в обычных для бессрочных каторжан протестах. Часами, как маньяк, Махно возится где-нибудь в темном углу со своими тяжелыми ножными и ручными кандалами, точно пытаясь снять их и изломать.

Каторжане относились к Махно с несвойственной им предупредительностью. Их пугало необычайное выражение его глаз, в которых отражалась безмерная, бешеная злоба ко всему и ко всем.

В 1917 году, по общей амнистии Временного Правительства, Махно был освобожден и осенью 1917 года приехал в село Гуляй Поле, где вскоре приобрел трагическую известность под именем «батько Махно».

Первая встреча с махновцами

В июне 1918 года мне нужно было срочно выехать по делам из Симферополя в Киев... В вагоне тесно, душно. Пассажиры озабочены, говорят почему-то шепотом, вздыхают, пугливо выглядывая в окна, словно чего-то ожидая. Разговаривают исключительно о Махно и о страшных бандах, которые останавливают поезда, грабят и убивают.

Днем благополучно прошли Александровск, вечером далеко оставили Синельниково. Ничего страшного не случилось. Пассажиры успокоились, забывая рассказы о бандах Махно, шутили и уже стали сдвигать чемоданы, корзины, узлы, устраиваясь на ночлег. В это время вагон неожиданно качнуло, ход поезда замедлился, закрипели колеса. Пассажиры испуганно переглянулись. Гремя буферами, поезд остановился.

Не успели мы сообразить в чем дело, как сухо затрещали винтовочные выстрелы.

– Грабят... Махно...

Все притихли, тревожно насторожились. Под окнами суета, беготня, крики...

Из вагона в вагон неслась грубая команда:

– Забирай вещи, выходи в поле, а кто не выйдет – расстреляем...

От кого исходил приказ, почему надо выходить из вагона – никто не знал, но послушаться приказа никто не посмел.

Моросил мелкий дождь. Луна пряталась за быстро бегущими облаками и слабо освещала призрачным светом притаившуюся степь и каких-то людей на конях. Конные лихо скакали вдоль железнодорожной насыпи, стреляли в воздух, наводя этим панику на испуганных пассажиров.

– Махновцы... – сказал кто-то шепотом.

Вскоре появились и пешие махновцы. Мы стояли небольшими группами возле своих вагонов, свалив багаж на мокрую землю.

У товарных вагонов слышался шум, крики и брань – это махновцы перегружали товары из вагонов на подводы. Когда перегрузка окончилась, нам приказали куда-то идти. Прошли около трех верст, показались подводы, нас остановили.

Солидного вида мужчина в высокой бараньей шапке, окруженный толпой вооруженных людей, объявил нам, что бояться нечего, что мы временно задержаны «Запорожским полком Петриченко из армии Батьки Махно» и что расстреливать будут только офицеров, полицейских и, может быть, спекулянтов.

На наши уверения, что ни офицеров, ни полицейских, ни спекулянтов среди нас нет, – «баранья шапка» равнодушно ответила, что «там видно будет, а пока – предъявите документы».

Однако проверялись не документы, а бумажники и кошельки, которые тщательно складывались в мешки вместе с часами, портсигарами, кольцами, серьгами и другими драгоценными вещами. Багаж нам приказали сложить на подводы, которые двинулись куда-то без нас.

После проверки «документов» нам приказали идти по дороге через лес в с. Ключевку и явиться в штаб Махно.

Делать нечего – пришлось идти. По дороге мы заметили, что нас никто не конвоирует. На ходу мы стали обсуждать создавшееся положение. Одни говорили, что мы свободны и нам следует идти до станции, а другие считали за лучшее, во избежание недоразумений, идти в Ключевку, где можно будет поесть и отдохнуть. Произошел раскол: большая группа пассажиров повернула назад, а меньшая взяла направление на лес, который зеленой полосой вырисовывался на туманном горизонте.

Идти приходилось по грязи. Вскоре мы заметили, что из леса выскочила группа всадников и быстро помчалась к нам навстречу, словно бросилась в атаку. Мы испуганно свернули с дороги; всадники открыли по нам стрельбу; мы рассыпались в стороны и залегли в грязь, проклиная судьбу.

Через несколько минут нас окружили махновцы.

– Кто вы? Откуда? – расспрашивали они, подозрительно рассматривая нас.

Кто-то нашелся объяснить, что мы артисты, идем в гости к бабушке Махно.

– Так чего-ж вы раньше цього не казали, мы-ж думалы, що вы буржуи, або военные.

Махновцы добродушно посмеивались над нами и посоветовали нам идти поскорее во избежание встречи со вторым конным отрядом...

Последствием этой «атаки» у нас оказалось человек двадцать раненых и помятых лошадей.

В полдень мы стали подходить к селу.

То, что мы увидели в селе, нас несказанно поразило. Нам казалось, что мы присутствуем при нелепом маскараде. Возле опрятных хат толпились люди. Воистину это была современная запорожская сечь, и нужна была мощная репинская кисть, чтобы изобразить на полотне эти ярко-красочные, нелепые, дикие фигуры. Большинство из махновцев было одето в вязанные и сетчатые, белые и цветные фуфайки, на ногах болтались необычайной ширины шаровары с красными поясами вокруг талии, концы которых спускались почти до земли. Вооружены все были «до зубов». Помимо шашек и револьверов, у многих за поясами торчали ручные гранаты, а пулеметные ленты, очевидно как щегольство, вились по поясам или висели через плечо. Как бы дополняя полноту картины, тут же у стен валялись винтовки и кое-где понуро торчали пулеметы.

При нашем появлении махновцы пестрою толпой высыпали на улицу, гогоча и отпуская по нашему адресу грубые шутки и циничные остроты. Среди махновцев можно было видеть крестьян и крестьянок. Окруженные галдящей толпой, мы подошли к небольшому домику возле волостного правления, откуда через несколько минут вышел молодой, рослый матрос в кавалерийских сапогах со шпорами.

Говор несколько стих. Толпа расступилась, и матрос заорал, обращаясь к нам:

– Что, что за сволочь приплелась?

Мы объяснили ему, что мы артисты. Матрос окинул нас быстрым взглядом и расхохотался. И действительно, мы представляли забавное зрелище. Разговорились, стали объяснять матросу наше скверное положение.

– Бывает и хуже, – загадочно бросил матрос.

Но толпа была настроена не так миролюбиво, как нам сначала показалось. Из толпы послышались крики, что в таком виде сам черт не разберет, действительно ли мы актеры.

– Нехай краше нам приставляют, а то може вони брешуть...

Матрос, хотя и продолжал посмеиваться, но, видимо, присоединялся к мнению толпы. Напрасны были наши доводы, что нам нужно привести себя в порядок, поесть, отдохнуть. Пришлось «приставлять». Выручил один из спутников, который очень удачно рассказал несколько комических рассказов... Это выступление вызвало взрывы хохота.

Кто-то спел романс «Отойди, не гляди». Одна почтенная с виду дама пропела дрожащим голосом арию из «Онегина». Слушатели становились требовательнее, указывая на то, что нас много, а поет мало. Я уверенно затянул «Из-за острова», кто-то энергично взмахнул рукой, и хор грянул. Пели мы до хрипоты, махновцы остались довольны, уверовав в наши таланты.

Нам отвели три клуни. Мы кое-как почистились, помылись, под вечер поели и начали подшучивать над превратностями судьбы...

Когда стемнело, стали укладываться на ночлег. Слышались крикливые звуки кларнетов и гармоний, взрывы смеха, крик, женский визг, топот пляшущих ног. Ко мне подошел и сел на землю пожилой крестьянин – хозяин двора, где мы расположились.

– Ох, чоловіче, – вздохнул в раздумье крестьянин, – не доведе гульня до добра. Чуєте, що вони виробляють и оттак що дня. И куды вони стилько пють о цей самогон? Да що там пють, а з жинками що роблють, так и не приведе Бог...

– Отчего же молодым не погулять...

– Добра гульня, прости Господи, и в день и в ночи покою нема, прямо хоть от ридной хаты отцурайся.

– Что же они, из вашего села?

– Да ни, що вы, Бог з вами. Кажуть, що вони запорожци, а там бис их знае, хто вони.

– Так зачем же вы их пустили в село?

– Э, знаете, все ж таки вони за нас стоять, да и нас не обижают, даром ничего не берут. Да що казать, тут що робылось, пока вони не пришли. И пану дай, нимцу дай, мильции теж, а там пристава, старосты, и де их тилько набралось? А сколько перевишалы, та перепоролы – выходило так, що перед каждым знымай штаны. Теперь мы хоть трохи отдохнулы, да кое що и повернулы назад, а то думалы що страшный суд и билыпе нычого. А цей, знаете, Махно, спасыби ему, що помыщыкив выризав, да панив, да мильции и австрийцив набыв стилько, що за четыры дни насылу закопалы. Ни, вин луже нас защыща, тилько у його хлопцив богацько таких, що не добереш вид кого вони уродылысь...

Крестьянин вздохнул, перекрестился, пожелал мне доброй ночи и направился к себе.

На улице как-то сразу смолкла музыка и крики; во дворах заметна была суматоха. По улице проскакали всадники. Крестьянин выбежал из хаты узнать, что случилось. Скоро вдаль послышалась глухая артиллерийская стрельба. Махновцы тревожно бегали из двора в двор, крича запрягали лошадей. На всякий случай, мы по одиночке стали пробираться в поле. Вскоре в селе стало необычайно тихо. Артиллерийская стрельба слышалась все яснее. Во двор вернулся наш хозяин. Я спросил, что случилось.

– Да кажут з нимцами бьются.

Утром в селе появились разъезды немецкой кавалерии, а в полдень мы были во власти германского отряда. Нас отправили на железнодорожную станцию. С большим трудом добрался я до Киева без вещей и денег. Повидать Махно в этот раз мне не удалось. Как потом я узнал, Махно в то время был занят игрой в карты с австрийскими офицерами, взятыми в плен, которых, после прерванной игры, Махно приказал расстрелять.

Махно-партизан

Начало и развитие деятельности Махно на Юге России нужно отнести к марту 1918 года, что совпало с окончательным развалом румынского фронта, уходом из Крыма в Новороссийск Черноморского флота и последними днями существования Украинской Центральной Рады. В это время Махно располагал небольшой шайкой, составленной из преступников и севастопольских матросов. Со своей шайкой Махно совершал дерзкие, но в общем обычные для того времени грабежи, кочуя из одного уезда в другой. По дороге к нему приставали недовольные и обиженные гетманским режимом и матросы черноморского флота, которые по одиночке просачивались через немецкие кордоны из Крыма. Отряд численно разрастался, и Махно от случайных грабежей перешел к налетам на имения помещиков, на небольшие города и железнодорожные станции. Налеты сопровождалось зверскими убийствами. Махновцы начали сводить личные счеты с теми, кто так или иначе обидел их, или на кого они были злы...

В июне к Махно прибыли из Киева анархисты группы «набат» во главе с анархистом Бароном. В том же месяце к шайке примкнуло много анархистов других толков и социалистов из разных городов Юга России. С этого времени деятельность шайки Махно получает иное направление. Махно мечтает о создании Запорожской Сечи, он лихорадочно набрасывает перед слушателями грандиозные планы создания крестьянской республики; анархисты пытаются придать махновскому движению идейный характер.

Обстоятельства благоприятствовали Махно. Крым и Украина были оккупированы иноземными войсками, которых крестьянское население ненавидело. Полицейские и гражданские власти гетмана (П. Скоропадского) наводили порядок в селах: в села заходили карательные отряды, «для наведения порядка», причем производили аресты, а иногда и расстрелы крестьян. Кроме того, из городов возвращались помещики, которые, опираясь на вооруженную силу, жестоко расправлялись с крестьянами, мстя им за те убытки, которые они понесли в своих разоренных поместьях. Крестьяне все больше и больше ожесточались и искали защиты у разных атаманов, как это было в Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях, на Юге же все симпатии были направлены к смелому и решительному Махно.

К этому следует добавить, что в июне месяце военным министром гетмана, генералом Рагоза, был издан приказ, по которому из украинской армии увольнялись все офицеры военного времени, с предоставлением им сомнительного права доучиваться на положении юнкеров в военных училищах. Это распоряжение не только понизило количественно армию гетмана, но и создало врагов армии, чем, как известно, не преминул воспользоваться Петлюра, который и вербовал в свою армию этих офицеров.

Из этой среды вышли наиболее активные атаманы: Зеленый, Струк, Соколовский, Григорьев и другие. Из них к Махно присоединился прапорщик Петриченко и много других, не менее выдающихся махновцев.

С каждым днем шайка Махно усиливалась все новыми и новыми кадрами, переформировывалась и получала правильную организацию. В шайке была пехота, кавалерия, пулеметы и даже артиллерия. Из этих кадров потом и развернулась махновская армия.

Однако под давлением регулярных немецких отрядов Махно был вынужден отходить от крупных городов, к которым постепенно подбирался, и опираться исключительно на села, вербуя в свои ряды крестьян. Партизанскую войну на Юге России Махно начал с того, что стал нападать на карательные отряды, грабить поезда, захватывать железнодорожные станции, уничтожая небольшие гарнизоны немцев и полицейских властей гетмана. Смелые и неожиданные нападения Махно всегда сопровождалось неизменными успехами. Его имя стало именем крестьянского героя.

«Идем к Махно», – сделалось лозунгом крестьянских масс.

В дальнейшем, поощренный успехом, Махно перешел почти к открытой войне с немцами и австрийцами. Австрийцы были так терроризированы махновцами, что боялись показываться дальше Екатеринослава и стали отзываться из сел и небольших городов свои отряды, но немцы взглянули на это иначе.

Дерзкие нападения Махно выводили из себя высшее немецкое командование в Киеве и, по его приказу, для полного уничтожения отрядов Махно, в Новороссии начали сосредотачивать крупные воинские силы.

Под давлением немецких отрядов Махно отступил и в Александровском районе попал в кольцо. Однако немцы и на этот раз остались верными своей тактике: они слишком много времени потратили на артиллерийскую подготовку общей атаки. Махно, испытав действие сосредоточенного артиллерийского огня и понеся большие потери, сумел все же найти выход из кольца охвативших его немецких войск и с небольшим, уцелевшим отрядом ушел, сделав в одну ночь переход более чем в 60 верст.

В особом приказе немцы торжественно объявляли: «бандит Махно уничтожен», но уже на пятый день Махно вырезал захваченный им врасплох отряд австрийцев возле станции Константиноград и заставил всех офицеров, взятых в плен, в том числе и начальника отряда, играть с ним в карты в течении двух суток, после чего офицеров расстрелял, якобы за то, что они осмелились его «обыграть».

В октябре начался отход с Украины сперва совершенно разложившихся после революции австрийцев, а затем и немцев. Отход принес Махно ряд побед над теми и другими, а, главное, дал в его руки огромное количество вооружения и всевозможного технического снаряжения.

Трудно сказать, во что обошлось немцам и австрийцам знакомство с Махно. По официальным данным гетманских властей, за апрель – июнь месяцы Махно совершил 118 налетов и грабежей, сопровождавшихся человеческими жертвами.

Но все эти налеты, грабежи и нападения на эшелоны уходивших домой немцев и австрийцев кажутся незначительными по сравнению с первым захватом гор. Екатеринослава в декабре 1918 года.

С этого дня имя Махно приобрело всероссийскую известность. Он «с боя» взял город, выпустив по нему до двух тысяч снарядов из шестидюймовых, отнятых у немцев, орудий. Петлюровцы, только что занявшие Екатеринослав, разбежались в паническом страхе, и население оказалось во власти махновцев.

Это был такой разгром цветущего города с пятидневным грабежом, которого до того еще не видел ко всему, казалось, привыкший Юг России, даже в дни нашествия красного Муравьева.

Трудно подвести итоги всему тому, что сделал Махно за девять месяцев, но несомненно то, что немцы и австрийцы заставили Махно изучить все оттенки партизанской войны, изучить в совершенстве самые глухие места днепровских плавней, таких своеобразных в Таврической и Екатеринославской губернии, все леса и перелески. Недаром знаменитый Черный Бор, лес Гаркуши – назван теперь «Гаем Батьки Махно».

Попустительство Гетманского Правительства помещикам и крутые меры последних вынудили Махно выступить на защиту крестьян. И если бы не эта недальновидная политика, может быть не было бы и махновщины. Она так тесно связала Махно с крестьянами, что все испытания последующих четырех лет не смогли нарушить и порвать эту связь.

Борьба с немецкими отрядами и властями гетмана закалила отряды Махно, приучила их делать смелые нападения, производить разведку, находить и использовать слабые стороны своих противников, наносить им быстрые и короткие удары, а затем так же быстро скрываться, как и нападать.

Но самое главное – борьба эта создала в крестьянской массе легенду о «неумирающем запорожце Батьке Махно», который борется за крестьянскую свободу и крестьянскую правду.

Этим заканчивается партизанский период жизни Махно. В дальнейшем он начинает играть крупную роль в ходе гражданской войны на Юге России.

«Батько Махно»

Кто хоть раз видел батьку Махно, тот запомнит его на всю жизнь.

Небольшого роста, с землисто-желтым, начисто выбритым лицом, с впалыми щеками, с черными волосами, падающими длинными прядями на плечи, в суконной, черной пиджачной паре, барашковой шапке и высоких сапогах – Махно напоминает переодетого монастырского служку, добровольно заморившего себя постом.

По первому впечатлению, – это больной туберкулезом человек, но никак не грозный и жестокий атаман, вокруг имени которого сплелись кровавые легенды.

И только небольшие, темно-карие глаза, с необыкновенным по упорству и остроте взглядом, не меняющие выражения ни при редкой улыбке, ни при отдаче самых жесточайших приказаний, глаза как бы всезнающие и раз навсегда покончившие со всеми сомнениями – вызывают безотчетное содрогание у каждого, кому приходилось с ним встречаться, и придают совсем иной характер его внешности и щедеушной фигуре, в действительности крайне выносливой и стойкой. Махно – человек воли, импульса, страстей, которые бешено кипят в нем и которые он старается сдерживать железным усилием под холодной и жестокой маской...

Махно не оратор, хотя и любит выступать на митингах, которые по его приказу устраиваются на площадях и в театрах захваченных и разоренных им городов. В речах Махно нет даже демагогии, казалось бы, столь необходимой в его положении. Мне приходилось часто наблюдать Махно во время митингов, и я видел, как чутко слушает его буйная и хмельная толпа, как запоминается каждая его фраза, подкрепленная энергичным жестом, как влияет, словно гипнотизирует Махно крикливую, никому не желающую подчиняться и ничего святого не признающую толпу...

Вот Махно на площади. Он окружен своей всегдашней свитой. Здесь и теоретики анархизма – Волин, Артен и Барон, и красавец Лященко, в матросской шапке и высоких шнурованных ботинках со шпорами, и Гуро, тонкий как шест, и горилообразный палач Кийко, и массивный Петриченко с круглым, как луна, рыхлым лицом – много других...

Махно говорит резко, нескладно, то понижая, то повышая голос, повторяя за каждой фразой, состоящей из 5–10 слов, свою постоянную, полную гнева фразу: «и только», он говорит о неизбежности гибели городов, о том, что города не нужны в жизни свободных людей, о необходимости горожанам, не исключая рабочих, к которым Махно вообще относится холодно, сейчас же, немедленно, бросать города и идти в села, степи, леса и там строить новую, свободную, крестьянскую жизнь...

После Махно почти всегда выступает Волин. Убедительность доводов, которым оперирует старый теоретик анархизма, искусное построение речи, рассчитанное на понимание аудитории и умение угадать тайные желания этой толпы, необычайный пафос, равный по силе, может быть, только одному Троцкому – все это все же проходит куда-то мимо толпы, замороженной нескладной речью батьки Махно.

И Махно это знает, чувствует, понимает. Он стоит у всех на виду спокойный и самоуверенный и лишь одними глазами, с неизменным, до боли колючим взглядом, лениво скользит по толпе. Чуть заметная улыбка, вернее складка на губах Махно, выражает не то удовольствие, не то презрение, а, может быть, и то и другое вместе.

Не спеша Махно поворачивается, чтобы уйти или сесть на тачанку (он, обыкновенно, недослушивает речей Волина до конца), и сгибаются могучие фигуры Кийко и Петриченко, только что демонстрировавших револьвер, из которого был убит подлинный контрреволюци-

онер Григорьев, а толпа, как один, тянется к Махно, давя друг друга, и безумно, в иступлении ревет со слезами на глазах:

– Батько, наш Батько!..

Уже давно не видно тачанки, не видно, куда свернули лошади, умчавшие Махно, а толпа все еще продолжает орать:

– Батько, наш Батько!..

Много и долго говорят потом Волин, Артен и Барон; говорят все о том же, что власть зло, что анархия мать порядка, что все люди равны и т. д., но постепенно толпа начинает забывать о Махно, махновцы снова хвастливо заявляют, что не только Махно, которого они завтра могут убить, но и весь мир им нипочем и, слыша это, Волин, а за ним и другие ораторы, незаметно исчезают, боясь, что дикая и безбожная толпа расправится с ними, как с «кадетами» или большевиками...

После митинга махновцы, распаленные речами безответственных ораторов, наводят ужас на мирное население тем, что стреляют из винтовок и пулеметов неизвестно куда и зачем. Во время стрельбы они выпускают в невероятном количестве патроны, а еще больше поглощают самогон и вино из разграбленных складов...

Махно властен и непоколебим. Десятилетняя каторга ожесточила его, лишила способности разбираться в добре и зле. Махно испытывает бешеную, безграничную радость при виде гибели в огне цветущих городов; его глаза горят восторгом от взрывов тяжелых снарядов на улицах города. В Махно – жестокая потребность наблюдать мучительную смерть, часто совершенно невинных людей.

Я вспоминаю трудно передаваемую кошмарную картину. Но в ней – весь Махно...

Перед Махно стоит оборванная группа стражников, с текущей по лицам кровью. Запуганные и избитые стражники дрожат мелкой дрожью и пугливо озираются, боясь встретиться с острым взглядом Махно, который, хищно изогнувшись, в упор смотрит на них горящим, безумным взглядом.

Долгая пауза...

Махно быстро выдергивает руку из кармана брюк и почти кричит:

– Порубить их – и только...

Не успел еще смолкнуть резкий голос батьки, как палач Кийко взмахнул острой шашкой и стал неумело рубить несчастных, нанося им удары по несколько раз, словно срубая кочаны капусты. Забрызганный кровью Кийко устал, вспотел, едва переводит дух. Его сменяет более ловкий, смеющийся Лященко, которому помогают любители из махновского конвоя.

Махно, с блуждающей рассеянной улыбкой, спокойно наблюдает, как «работают» его молодцы, и больше ничего нельзя прочесть в его остром взгляде.

Но вот вместо испуганных, но живых людей – куча кровавых изуродованных тел. То там, то здесь валяются отрубленные головы и руки с судорожно скрюченными пальцами. Махно порывисто срывается с места, собачьей рысью подбегает к этой куче тел, носком сапога отбрасывает попавшуюся по дороге голову, вскакивает на грудь, на живот убитых, топчется, пачкая сапоги в крови, и затем почти спокойно говорит:

– И только...

Еще раз торжествуя, гневно и злобно, точно спрашивая кого-то, кричит он свое «и только», подбегает к другой группе изрубленных тел, топчет их, повторяя все сначала.

Все человеческие чувства давно заглохли в Махно. Его не тронут ни слезы женщин, а к ним он падок, ни плач детей, ни клятвы мужчин.

Впрочем, бывают и исключения, но они допускаются чаще всего для актеров, реже для приказчиков и еще реже для людей, умеющих каким-либо отчаянным поступком поразить Махно.

Однажды стражник, в тот момент, когда Кийко замахнулся на него шашкой, как-то ловко ударил палача ногой в живот так, что Кийко долгое время находился в глубоком обмороке. Махно был так поражен смелым поступком стражника, что милостиво даровал ему жизнь и даже отпустил домой, после того, как стражник отказался у него служить. Но таких счастливых бывало мало. Обыкновенно те, которые попадали в плен к Махно – живыми не возвращались.

Трудно найти даже в среде повстанческих атаманов равного Махно по жестокости. Ко всему этому следует добавить неизмеримое болезненное тщеславие, которым несомненно болеет Махно. Он не выносит никакой конкуренции, ни даже намека на нее.

Никто не смеет, не может быть грознее, что значит и жесточе, чем он – «Батько Махно».

Женитьба Махно

1918 год принес батьке Махно не только кровавую славу, но и жгучую любовь странной девушки.

Душа женщины – загадка, ее сердце – тайна. И потому не будем решать, как могла красивая, интеллигентная девушка, из богатой семьи, курсистка, прекрасная музыкантша и очаровательная собеседница отдать невзрачному на вид бандиту Махно свою первую любовь, молодость и красоту, а лучше расскажем, как произошла роковая для Махно встреча с его будущей женой, как стихийно вспыхнула в их сердцах нечеловеческая любовь и как праздновал Махно свою свадьбу.

Еще дымились остатки разбитых тяжелыми снарядами домов, еще шел грабеж богатого города, пьяные махновцы жадно сваливали на подводы все, что выносили из домов, еще влачила по опустошенным улицам свою черную мантилью смерть, а у всех жителей было одно желание, одно стремление, один порыв: бежать из города...

Но не так легко было уйти из города смерти и грабежа. Для этого необходимо было получить пропуск «коменданта» города, которым был назначен палач Кийко. Возле дверей дома, где помещалась его канцелярия, в громадной толпе стояла девушка, которая невольно обращала на себя внимание и вызывала сочувствие всех, кто стоял в очереди. У нее было прелестное, матово-розовое с правильными, тонкими чертами лицо, ласковые темно-серые красивые глаза с длинными ресницами, стройная и изящная фигура. Слабая улыбка освещала ее лицо и делала его детски милым.

С ней часто заговаривал то один, то другой из ее случайных соседей, и она охотно, с милой улыбкой поддерживала разговор. Из ее ответов можно понять, что она едет из Киева, где стало невозможно продолжать учиться в высшем учебном заведении и по дороге случайно задержалась в Екатеринославе, а теперь торопится домой, чтобы повидать родных.

Томительно и скучно проходят часы стояния в очереди; уже стемнело, а толпа все еще стоит на улице, не подвигаясь к заветной двери. Проходивший мимо молодой махновец, как и все, невольно залюбовался красивым лицом девушки и после недолгого раздумия подошел к ней, предложив провести к коменданту. Девушка, слегка смутившись, пошла за ним – и вот она перед Кийко, которому объяснила, что хочет ехать домой к родным.

– Мне нужен пропуск.

Кийко развязно и бесцеремонно рассматривает ее и говорит с улыбкой на угрюмом лице:

– Выдача пропусков на сегодня закончена.

В это время в комнату Кийко вошел Махно, который, не снимая высокой шапки, уставился на девушку острым недобрый взглядом. Девушка невольно, словно испугавшись, подалась назад, а Махно вдруг резко выкрикнул:

– Вы ночуете у меня – и только...

Затем повернулся и ушел, не выслушав ответа девушки.

Вскоре за девушкой пришел некий Козельский, интимнейший друг Махно, и увел девушку к своему другу.

– Вы не бойтесь... он вам ничего не сделает, – ободрял ее Козельский.

Эта ночь была для Махно роковой. Вначале все шло хорошо. Девушка охотно ела, пила чай, отвечала на вопросы Махно и сама их задавала, а когда Махно, в порыве откровенности, показал ей рубцы от кандалов на своих руках, она порывисто, почти рыдая, потянулась к Махно и долго рассматривала и гладила грубые рубцы своими маленькими руками, а Махно, растроганный нежной лаской, тихо рассказывал ей о своей жизни на ненавистной каторге.

Они так близко сидели друг возле друга, что, когда наступила пауза, девушка смущенно отодвинулась от него и попросила указать ей место для ночлега.

Махно моментально изменился: на миг мелькнуло в нем что-то человеческое, но снова он оказался во власти своих звериных страстей: он грубо бросился к девушке и обнял ее, но девушка была не из робких.

– Оставьте меня, – закричала она, – пустите...

Но Махно все крепче обнимал ее и тянулся к ее губам.

Девушка с силой ударила его по лицу...

Махно, взбешенный пощечиной и сопротивлением, отскакивает в сторону; его мозг с лихорадочной быстротой заработал в изобретении для нее самых невероятных мучений.

– Зажарить ее после всего я хотел, и только, – не раз сознавался потом Махно.

Но слезы девушки, стекавшие по красивым пальцам, закрывавшим ее лицо, почему-то так поразили Махно, что он, с непонятной для него нежностью стал мягко отнимать руки от ее лица.

– На плачьте, – говорил он, – Вы любите кого-нибудь?

– Нет...

И она доверчиво рассказала ему, что она чуть было не вышла замуж за офицера летчика, который необычайно смело летал на аэроплане, и, кажется, искренно ее любил, но когда узнал, что она еврейка, взял отпуск и уехал.

– Разве вы еврейка? Я бы этого никогда не сказал. Как вас зовут?

– Соня...

И Махно стал горячо говорить ей об анархизме, о красоте борьбы за идеалы, которые стремишься воплотить в жизнь, о той ответственности, которая падает на таких активных борцов за счастье народа, как он.

Так беседуя, они просидели всю ночь до утра – и эта ночь связала их сердца.

– Пора за работу, – подымаясь сказал Махно и приказал пустить к нему делегацию железнодорожников, которая давно ожидала его в коридоре. После соответствующего приветствия глава делегации, по-видимому, инженер, горячо, толково старался объяснить Махно необходимость некоторых мероприятий для того, чтобы устранить прекращение движения поездов.

Махно небрежно прервал его деловую речь, встал со стула и спокойно заявил:

– Я езжу на тачанках, и мне ваших поездов не нужно – и только...

Озадаченные железнодорожники, испуганно пятясь, откланялись и вышли. Махно приказал вернуть главу делегации.

– Делайте у себя все что хотите, – сказал он, – а для меня и моего штаба приготовьте через час поезд с двумя паровозами – и только.

Весь день Махно был занят работой. И весь день, не выходя, Соня просидела в его штабе. Невольно она заинтересовалась кипевшей вокруг ее жизнью и ей показалось, что воистину что-то огромное и нужное совершается в этой комнате, этими простыми на вид людьми. С махновцами она сошлась близко, беседуя с ними, как бы со старыми знакомыми...

Махно только вечером, когда собирался уезжать на вокзал, где его давно ожидал поезд, нагруженный награбленным добром, вспомнил о своей знакомой и предложил ей ехать вместе.

Она покорно, словно это так и надо, пошла за ним. Махно усадил ее рядом с собою на тачанке, и вдвоем, без верного Лященко, поехали они на вокзал...

У подъезда вокзала Махно был встречен комендантом станции, который, показывая на стоящих вблизи под стражей восемь человек, доложил, что это пленные петлюровские офицеры.

– Порубить их, и только, – распорядился Махно, вылезая из тачанки. Соня быстро выпрыгнула вслед за ним на землю и горячо, держа за руку Махно, стала просить пощадить пленных офицеров.

– Прогнать... Отпустить их, и только... – бросил Махно конвоирам, подымаясь по ступенькам крыльца вокзала.

Конвой Махно разместился в классных вагонах, для батьки был отведен служебный салон-вагон, попавший сюда с сибирской магистрали, а Соню устроили в небольшом купе.

Когда вечером Махно зашел к девушке, то был поражен тем, как мило и уютно устроилась его спутница в купе. На стене скромно приютились две фотографии и три открытки, а на столе, накрытом белой скатертью, кипел самовар и стояли всевозможные закуски, присланные услужливым Кийко. Соня радушно угощала батьку, смеялась и шутила, довольная отъездом из злополучного Екатеринослава.

И снова, как и вчера, они побеседовали всю ночь на пролет. И когда поутру уставшая Соня попросила его оставить купе, он покорно вышел к себе и долго ворочался на диване, пока не задремал.

Три дня пробыл Махно в Синельниково, занятый военными распоряжениями. Однако он не забывал своей спутницы, часто заглядывая в ее уютное купе, в котором она, видимо, чувствовала себя как дома.

Со скуки Соня завязала знакомства с махновскими приближенными. Вот только что она была в вагоне, где живет Гуро, а сейчас она смеется и о чем-то весело болтает с рослым красавцем Лященко, пряча от холода подбородок в меховой воротник.

Махно из окна вагона любит ее. Но вдруг лицо его темнеет. Что это? Лященко нагибается к ней, как будто хочет заглянуть в ее глаза, а, может быть, он хочет поцеловать ее. Кровь бросается в голову, темнеет в глазах...

Один миг – и Махно на площадке вагона, стремительно сбегает по нескольким ступенькам и, не спуская недобрых глаз с лица Лященко, пытается выхватить кольт. Лященко смущен, как бы пугливо озирается по сторонам. Вдруг раздается выстрел – из кармана брюк Махно показывается дым. Махно, на ходу вынимая из-за пояса брюк револьвер, нечаянно произвел выстрел, но так удачно, что прострелил себе лишь брюки и шубу да ожег ногу возле паха.

Лященко с испугом и недоумением бросился к озадаченному Махно, но получив удар ногой в живот, попятился назад.

На Соню этот выстрел произвел потрясающее впечатление. Сначала она стоит, как окаменелая, не спуская с Махно спрашивающих, тревожных глаз, а потом быстро подбегает к нему, обнимает его и страстно, порывисто, со слезами на глазах целует его.

На выстрел из вагонов повыскакивали махновцы. У самых ступеней вагона стоят Кийко, Гуро и смущенный, ничего не понимающий Лященко. Все они с недоумением и любопытством смотрят то на Махно, то на Соню. Махно медленно, как бы торжественно, подымается на площадку вагона и объявляет:

– Братва! Я женюсь, вот вам моя законная жена, и только...

В тот же день махновский поезд, нигде не останавливаясь, летел через Чаплино в Гуляй Поле. На другой день после приезда в родное село крестили Соню и ей дали имя Нина Георгиевна. Бывший староста и жена священника стали крестными отцом и матерью Сони. А еще через день Махно справлял свою свадьбу. Это было в воскресенье.

С раннего утра от здания сельской школы, где помещался Махно, до церкви середина улицы была устлана дорогими коврами, еще недавно находившимися в Екатеринославских гостиных и магазинах, а церковный хор, доставленный из Полог экстренным поездом, стоял на паперти в ожидании приезда необычных жениха и невесты.

Это было в высшей степени любопытное зрелище. На тачанках, покрытых дорогими коврами, по ковровой дороге ехали в церковь Махно, его невеста и почетные гости, по той же ковровой дороге возвращались они обратно, а потом ковры разобрали жители Гуляй Поля.

Десять дней все село праздновало свадьбу Махно. Десять дней и десять ночей не было никому проезда по ровным полям, окружающим Гуляй Поле, то махновская артиллерия без усталости стреляла боевыми снарядами, возвещая всем о торжестве Батьки Махно. Долго будут помнить эту свадьбу не одни жители Гуляй Поля, ее будут вспоминать и те села, куда залетали тяжелые снаряды ни с чем не считавшихся, обалдевших от пьянства махновских артиллеристов.

Наивысшей точки свадебные торжества достигли, когда Махно в порыве пьяного восторга объявил «Гуляй-Полевскую свободную народную анархическую республику», а себя – ее первым президентом...

Троцкий, бывший в то время в Киеве, узнав об этом, телеграфно заторопил Дыбенко ускорить свой отъезд к четвертой украинской советской армии. Махно тоже был вынужден по телеграмме Троцкого сократить свадебные и республиканские торжества и заняться завоеванием Азовского побережья и Крыма для советской власти.

Махно на советской службе

При нашествии немцев и австрийцев, которые были призваны на Украину Центральной Радой, советский главковерх Антонов, боровшийся с радой во имя советов, вынужден был отступить с остатками своей армии в пределы Курской и Орловской губ., и здесь выжидать тех событий, которые тщательно подготовлял Х. Раковский. Под видом заключения мира с гетманом, советский дипломат вел переговоры с атаманами повстанческих отрядов, среди которых были Шинкарь, Григорьев и Махно. Переговоры дали прекрасные результаты: атаманы подчинились Москве и готовы были по первому требованию двинуть свои отряды туда, куда будет приказано, а пока разрушали тыл гетмана. Не сидел сложа руки и Антонов, который прибавил к своей фамилии эффектное Овсенко, очевидно, для того, чтобы этой фамилией породниться с украинским народом.

В то время штаб Антонова-Овсенко находился в Орле и помещался в здании кадетского корпуса. Штабом главковерха, который состоял исключительно из кадровых офицеров, был разработан детальный план завоевания Украины; согласно этому плану главнейшая тяжесть в предстоящей борьбе была отнесена за счет повстанцев, с которыми под шумок успел сговориться Раковский.

Нужно отдать должное советскому командованию – оно сумело блестяще выполнить намеченный план и так целесообразно использовало повстанческие силы, что для боевых действий красной армии не оставалось места; красная армия победоносно двигалась по Украине, по услужливо расчищенной атаманами дороге.

Советское командование, заняв в декабре 1918 года, после отхода немцев, Харьков, почти без сопротивления стало продвигать в Киевском направлении повстанческие силы Шинкаря и других, более мелких атаманов, сочувствующих советской власти, в Одесском – Григорьева и в Екатеринославском – Махно.

Расчеты, построенные на точном учете борющихся сил, а главное на настроении крестьянских и рабочих масс, предварительно распропагандированных множеством агентов Раковского, оправдали надежды Москвы: гетмана свергнул Петлюра, Петлюра – повстанческие

атаманы и, в результате, за три месяца второй украинской компании советская власть получила в свое распоряжение не только чрезвычайно богатый и обширный край, но и выход к портам Черного и Азовского морей. Кроме того, советские армии получили возможность теснить казаков, а за ними и добровольцев.

Однако блестяще выполнив основную цель своего плана, советское командование допустило ряд второстепенных ошибок, впоследствии оказавшихся роковыми.

Советское командование, создав до начала военных действий «украинскую» армию, численностью не более 25 000 человек, не прошедшую боевого обучения и мало дисциплинированную, как, впрочем, и вообще вся красная армия того периода, не учло расходов этой армии на организацию комендантских команд, штабов и различных частей чисто вспомогательного характера, предназначенных для укрепления тыла, чему советская власть, в противоположность Деникину, Колчаку и Врангелю, придавала и придает первенствующее значение. В результате «украинская» армия, разбитая на ряд мелких отрядов, расплылась по всей Украине, ослабляя боевую мощь советов, и красному командованию пришлось довериться политически неустойчивым и преследовавшим исключительно свои цели повстанческим атаманам. Таким образом, из отрядов Махно была сформирована 45-я стрелковая советская дивизия, а из партизан Григорьева – 44-я дивизия.

В апреле 1919 года состоялось свидание главковерха Антонова-Овсеенко с Махно, обставленное весьма торжественно.

Беседа Махно с Антоновым была продолжительна и закончилась в столовой уже за бутылкой вина. Садясь в автомобиль, Антонов, по-видимому, очень довольный своей встречей с Махно, сообщил спутникам, что Махно еще будет полезен советской власти, а его партизан надо направить не в Крым, а на казаков и добровольцев.

А Махно в это время задумывался над тем, как бы уничтожить своего опасного конкурента Григорьева.

Дыбенко, прибыв в Симферополь в качестве командующего четвертой украинской советской армией, каковым до тех пор считал себя Махно, потребовал, чтобы батька явился к нему. Махно прибыл и вынужден был ожидать командующего армией в комнате революционного военного совета армии: Дыбенко в это время приводил себя в чувство от последствий кокаина большими стаканами коньяка.

Наконец Махно ввели к Дыбенко, который молча протянул несколько оторопевшему батьке, привыкшему к почестям, солидную пачку приказов реввоенсовета республики.

– Для чего это? – осведомился Махно, бегло взглянув на приказы.

– Читать... Вы назначены начальником 45 стрелковой советской красной дивизии, а Григорьев – 44 такой же дивизии.

Махно сначала хотел отказаться, заявив, что он не нуждается ни в каких назначениях, но, услышав о Григорьеве, назначение принял. Дыбенко, любящий позу, сделал величественный жест рукой, милостиво отпуская Махно.

– Я, товарищ, уже послал вам спецов... До свидания.

Возвратившись к себе «в ставку», где-то возле Цареводаровки (он не любил жить в больших домах, напоминающих ему тюрьму) Махно нашел арестованными присланных из штаба армии для формирования дивизии спецов.

– Кто там под арестом? – поинтересовался Махно.

– Да кто их знает; какие-то спецы, – ответил Гуро.

Бывший капитан генерального штаба Васильев представился Махно как начальник штаба дивизии и попросил разрешения представить остальных товарищей по работе.

– Катай, – махнул рукой батька.

Свирепо сдвинув брови, слушал Махно, как Васильев представлял ему начальников оперативного, разведывательного, артиллерийского, инженерного, административного и других отделов и отделений будущего штаба.

После представления Махно поблагодарил всех за желание с ним работать и тут же отправил спецов обратно в сарай под арест, предложив остаться только Васильеву и начальнику артиллерийского отдела. С ними он занялся, главным образом, вопросами о сосредоточении артиллерийского огня по опорным пунктам противника. Знания Васильева и его умение делать необходимые практические указания маховским артиллеристам на последовавшей после доклада практической стрельбе решили участь Васильева: он навсегда остался начальником штаба Махно, причем Махно, зная слабую сторону Васильева, держал его в неизменно полупьяном состоянии, что поручено было Кийко.

Остальные чины штаба, после недельного ареста, были пешком отправлены в Симферополь с приказом больше никогда не возвращаться.

Все должности в штабе были распределены между ближайшими помощниками Махно, причем он сформировал свой штаб не по штату штаба дивизии, а по штату штаба армии, назначив председателем реввоенсовета армии анархиста Волина.

При помощи Васильева, пользуясь его объяснениями, по данным Дыбенко приказам, Махно усидчиво принялся за изучение администрации красной армии – и в этом отношении достиг многого. В то же время Волин энергично заработал по организации штаба, поставив агитационную и разведывательную части на должную высоту.

Махно и Григорьев

Разгром Екатеринослава не прошел бесследно для маховцев: его богатая добыча привела к полной бездеятельности маховскую армию. Правда, маховцы по инерции могли еще занять часть Азовского побережья, где им не оказывалось почти никакого сопротивления, но перешагнуть через Акманайский рубеж, обороняемый ген. Шиллингом – им было не по силам. Маховцы, встречая со стороны добровольцев организованный отпор, после некоторых безуспешных попыток, оставили Шиллинга в покое и занялись ликвидацией Екатеринославской добычи.

Не тем, чем раньше, стал Махно: он с головой окунулся в радости семейной жизни, мечтал о хуторе и собственном хозяйстве, о том, что пора бросить атаманство и сесть на землю. Об этом он не раз вел беседы со своими приближенными, восхваляя перед ними радости семейной жизни.

Помощники Махно, как и рядовые маховцы, позабыв обо всем, предавались безудержной, бесшабашной жизни.

Без конца лилось вино, гремела музыка. Столица Маховской республики Гуляй Поле, переименованная в честь батьки в «Махноград», переполненная тысячами толпами празднично гуляющего народа, – напоминала крикливую, пеструю ярмарку.

В толпе сновали неизвестно откуда появившиеся темные дельцы, которые скупали за бесценок драгоценности и старались придумать для маховцев все новые и новые удовольствия.

Открывались картежные притоны, где проигрывались колоссальные суммы, рестораны и кафе, парфюмерные магазины и парикмахерские, появились портные «из Варшавы» и сапожники; маховцы делали маникюр, щеголяли невероятными прическами, над которыми ломали головы доморощенные «Жаны из Парижа», выливали на щегольские френчи флаконы духов.

Деньги и драгоценности пускались по ветру, как пух. Маховцы не знали счет деньгам, и не прошло трех месяцев, как маховцы прогуляли, пропили всю Екатеринославскую добычу. Постепенно предусмотрительные дельцы стали покидать маховскую столицу, закрывая магазины и кафе. Угар проходил. Наступали серые, унылые будни.

К этому времени и Махно стал уставать от радостей семейной жизни. Мечты о собственном хуторе потускнели. Махно все больше и больше начали раздражать те похвалы, которые расточались советской прессой атаману Григорьеву:

«Григорьев взял Херсон»... «Григорьев взял Одессу»... «Григорьев победил Антанту»...

Имя Григорьева пользовалось огромной популярностью. Григорьев – революционный герой. Махно видел, что на советском небе взошла новая яркая звезда, в лучах которой меркнет его слава.

Махновцы, разгруженные от Екатеринославской добычи, не желающие идти на простой, случайный грабеж, все назойливее и нетерпеливей указывали Махно на Григорьева и даже промеж себя поговаривали о том, что пора идти к новому атаману...

Перед Махно стал вопрос: чем и как удовлетворить непомерно разросшиеся аппетиты своей шайки. Нужен был какой-то выход, иначе от него уйдет к опасному конкуренту все, что есть лучшего в шайке. И Махно задумал коварный план: спровоцировать Григорьева на совместное выступление против советской власти.

Этим Махно достигал двоякой цели – уничтожал соперника и завладевал его богатой одесской добычей, о которой день и ночь бредили махновцы...

И вот Махно посылает к Григорьеву своих «дипломатов» – Козельского и Колесниченко, с которыми передает атаману свой братский привет и вместе с тем порицание за отступничество от «подлинных заветов революции».

Махновские «дипломаты», встреченные с торжественной помпой «двором» Григорьева, с успехом выполнили возложенную на них миссию. Они легко сговорились с легкомысленным Григорьевым, который и сам не раз до приезда махновской делегации задумывался над тем, что ему пора разойтись с большевиками, которые не оценили его заслуг перед революцией и, по распоряжению какого-то актера Дембровского, выгнали его из Одессы.

Во время первого свидания с махновской делегацией Григорьев колебался дать определенный ответ: он не сказал ни да, ни нет. Но по возвращении из штаба 3-й советской армии, куда его вызывали для служебных объяснений, Григорьев решил стать на скользкий путь, на который его толкнул Махно. В штабе армии Григорьеву объявили, что он всего лишь начальник 44 советской украинской стрелковой дивизии, чем было чувствительно задето честолюбие Григорьева, который мечтал о poste чуть ли не главнокомандующего войсками на Украине.

Вследствие этого, он, по возвращении в свой штаб, передал «дипломатам» Махно согласие на выступление против советской власти.

Махно торжествовал и, заручившись согласием Григорьева, стал рыть ему яму.

Началась подготовка к совместному выступлению: разрабатывался общий оперативный план, Григорьев развил среди населения деятельную агитацию и открыто заявлял, что он скоро примется за уничтожение ненавистных народу коммунистов.

Большевики, догадываясь о заговоре Григорьева и Махно, но ничего определенного не зная, накануне выступления вызвали Махно для переговоров, причем последний конечно поклялся в верности Москве, а на другой день, 4 мая, Григорьев, рассчитывая на Махно, открыто выступил против большевиков под лозунгом: «Власть советам, но без коммунистов».

Выступление Григорьева не на шутку встревожило советское командование на Украине. Силы восставших не только количественно, но и качественно превосходили силы большевиков. Симпатии населения, которому Григорьев передал часть мануфактуры из числа захваченной им в одесском порту, также были всецело на стороне восставших. Однако в самом начале выступления Григорьев допустил непоправимую ошибку. Эта-то ошибка и спасла большевиков от гибели.

Григорьев приказал своему начальнику штаба Тютюнику (впоследствии много нашумевшему петлюровскому атаману) наступать с большим отрядом в сторону Харькова и Киева.

Тютюник после демонстраций в сторону этих городов предал Григорьева. Он повернул на Каменец-Подольск и навсегда перешел на сторону Петлюры.

Вместо того, чтобы ударить по незащищенной Одессе, где кроме штаба армии с ротой китайцев и двух бронепоездов ничего не было, Григорьев, соблазненный обещаниями Махно о совместных действиях против Крыма и у Екатеринослава, уклонился к Елисаветграду, где и произвел еврейский погром. Григорьеву следовало бы быть активным и повести стремительные атаки на растерявшихся большевиков; но он пропустил несколько дней, и это решило его судьбу.

За это время советское командование быстро оправилось от предательского выступления, вырвало инициативу из рук Григорьева и с бронепоездами, которых у Григорьева не было, а также с помощью махновской вольницы, перешло в решительное наступление.

Возле Елисаветграда, а затем под Лозовой, Григорьев потерпел жестокие поражения и потерял все, что вывез из Одессы.

Однако Махно не удовольствовался доставшейся ему григорьевской добычей, ему нужна была смерть Григорьева...

В то время как шла борьба Григорьева с большевиками, началось осторожное продвижение добровольцев в Донецкий бассейн и завязались кровопролитные упорные бои, которые, как известно, привели к тому, что большевики были вытеснены из Донецкого бассейна и попятиться к Москве...

Неблагоприятно для большевиков складывалась обстановка и на Керченском полуострове. Красная армия не смогла перешагнуть через Акманайский рубеж. Надежды на восстания в Керчи и в других местах не оправдывались: восстание быстро и решительно подавил энергичный генерал Ходаковский, который, сменив раненного в грудь генерала Шиллинга, с отрядом в 3500 человек взял Феодосию и, после ряда боев, заставил большевиков быстро покатиться на север.

Дивизии Махно было поручено занять Мариупольский фронт. Махновцы, влившись в большевистский фронт, быстро разложили соседние дисциплинированные и в общем довольно стойкие советские войска. Генерал Май-Маевский медленно продвигался вперед, и махновцы, встречая организованный отпор, а в особенности при появлении танков, бежали с фронта, увлекая за собой и советские войска. Южный фронт большевиков зашатался. Началось стремительное наступление добровольческой кавалерии. Красная армия покатила на Орел.

В это время Махно продолжал вести с советской властью такую же двойственную и коварную игру, какую вел с Григорьевым, и на все требования Москвы подтянуться, он, ведя явно противосоветскую агитацию в деревнях, отвечал все более и более неприемлемыми требованиями.

Первым понял, в чем дело, Троцкий, который, удалив главковерха Антонова-Овсеенко, продолжавшего поддерживать Махно, стал расформировывать украинскую армию и вливать ее состав в общерусскую.

Главкомандующего Вацетиса, который не мог справиться с разразившейся катастрофой, сменил ген. штаба полковник Каменев, которому впоследствии суждено было закончить благоприятно для советов борьбу на всех белых фронтах...

Троцкий из Харькова потребовал, чтобы Махно лично явился к нему, но хитрый Махно послал для переговоров делегацию. Тогда Троцкий приказал расстрелять делегацию, а Махно и Волина объявил вне закона как изменников рабоче-крестьянской власти.

Так кончилась служба Махно у большевиков.

Махно-петлюровец

Разрыв с советской властью Махно предвидел еще задолго до посылки к Троцкому депутации.

На это указывает предательское для коммунистов отступление махновской дивизии на северо-запад в сторону Волочиска, тогда как по общему плану отступление предусматривалось за Донецкий бассейн в сторону Харькова.

Это подтверждается также и работой махновских агентов по дискредитации советской власти, что, конечно, не могло быть секретом для большевиков.

В первых числах августа 1919 года махновская армия, значительно уменьшившаяся численно за время тяжелых боев с добровольцами и обремененная значительным числом раненых, достигла линии петлюровского фронта: Калинковичи – Казатин.

Махно немедленно приступил к переговорам с петлюровским командованием о сдаче на попечение украинского Красного креста раненых махновцев, которых он, вопреки обычаю, не смог, вследствие быстроты отступления, сдать на попечение крестьян.

Переговоры вскоре увенчались успехом, хотя и без санкции Петлюры, пожелавшего, очевидно, сохранить в отношении Махно свободу действий на случай удачных переговоров с Деникиным, которые в то время под шумок уже вел этот пресловутый «головной атаман».

В результате переговоров от Махно были приняты не только все раненые, но и самому Махно с остатками его армии было предложено занять возле Умани отдельный участок на петлюровском фронте. Махно, заняв участок фронта, попал в совершенно родственную для его махновцев обстановку.

Все эти «курени смерти», разные «черно-красно-серо-шлычники» и другие, с не менее эффектными названиями полки, составлявшие как бы гвардию петлюровских войск, по существу были худшим видом партизан, не останавливающихся перед любым видом насилия, и понятно, что вольница Махно, с ее полным отрицанием даже признаков дисциплины, которая в петлюровских войсках все же существовала хотя бы в отношении деления чинов армии на казаков и старшин (офицеров), привлекла к себе все их симпатии, и скоро началось дезертирство петлюровцев к махновцам, значительно пополнившее состав махновской армии.

В то время на петлюровском фронте было полное боевое затишье. Мимо фронта тянулись бесчисленные обозы отступавших из Крыма и Одесского района советских войск, перегруженных многочисленными семьями коммунистов из оставленных районов, а добровольцы были еще далеко.

Эти колонны обозов, с рассыпанными среди них мелкими единицами войск, деморализованных быстро разразившейся военной катастрофой, лишенных возможности рассосаться среди местного населения из-за общей ненависти, были заняты одной лишь мыслью: как можно скорее достигнуть линии Чернигов – Брянск и тем спасти себя от окончательного разгрома.

Эти-то обозы большевиков и привлекли всё внимание петлюровцев.

Петлюровцы, а с ними и Махно, не удаляясь слишком далеко от линии своего фронта, ежедневными короткими ударами наносили проходившим большевикам чувствительные удары, отбивая лошадей и обозы со всевозможными грузами.

Особенно свирепо усердствовали махновцы, производя колоссальные разгромы колонн большевиков, часть которых еще так недавно они сами составляли.

В результате Махно быстро пополнил всю материальную часть армии, в особенности лошадей, в которых он тогда нуждался, а также и увеличил численный состав армии за счет пленных красноармейцев и петлюровцев.

Вот тут-то Махно и пригодились приказы, полученные им от Дыбенко в Симферополе.

Махно лихорадочно начал работу по реорганизации своей армии, не задевая своих свободолюбивых махновцев ломкой нравившегося им внешнего порядка.

Между тем, для советской власти события принимали все более и более грозный характер. Деникин занял Курск и подходил к Орлу.

Казалось, революция кончена и настали последние дни большевизма.

Но, углубляясь на Украину в поисках сочувствия у населения, привыкшего владеть собственной, а не общинной землей, стремясь использовать живые силы этого населения и получить хлеб, – Деникин, вместе с тем, не посчитался с пронесшимся по всему этому обширному краю вихрем национального подъема, принявшим во многих случаях окраску крайнего шовинизма.

Рассматривая всё украинское движение лишь как кабинетно-надуманное изобретение кучки интеллигентов зарубежного происхождения, Деникин допустил открытое столкновение с петлюровцами в первый же день занятия Киева из-за поднятия флага над зданием городской думы.

Это столкновение привело впоследствии к образованию нового фронта, потребовавшего оттяжки значительных сил за счет главного и, кроме того, у армии с этого момента оказался неустойчивый, часто враждебный ей тыл.

Не повторяя здесь ставших уже общеизвестными обстоятельств, приведших в конечном результате к разгрому деникинского движения, укажу лишь кратко на то, что слишком длительное оставление деревень и сел без государственной власти создавало на местах чистейшую анархию, доходившую до кошмарных размеров от произвола военных властей, среди которых нашли себе место авантюристы всех оттенков.

Эти ошибки скоро привели к полнейшему расхождению, а затем и открытому выступлению крестьянских масс против Деникина, власть которого в начале они принимали восторженно, с чисто детской надеждой, что сам Деникин, без их усилий и жертв, принесет всем мир, землю и порядок.

Итак, вскоре начались ожесточенные и кровопролитные бои между добровольцами и махновцами, причем впервые махновцы познакомились с действием нового орудия гражданской войны – бронепоездами и с установленной на них мощной тяжелой артиллерией.

Махновцы вообще не выносили действия артиллерии, а огонь с быстро и притом совершенно неожиданно появляющихся бронепоездов заставлял их разбегаться куда глаза глядят.

Махно это видел и упорно начал искать выход из тяжелого положения, грозившего ему гибелью.

Следует еще добавить, что Махно слабо владел украинским языком, а «ридна мова», на которой пришлось тогда ему и его махновцам изъясняться, все больше и больше наводила его на мрачные мысли и вопросы, чем все это для него кончится?

Махно совершенно ясно видел, что среди украинцев ему не то что первой, но даже и последней скрипки играть не придется, и он решил изменить Петлюре, как раньше изменил Григорьеву, а затем советской власти...

Махно в тылу Деникина

К осени 1919 года Махно окончательно усвоил преподанные через Дыбенко уроки Троцкого и успел применить их на практике.

Оставляя без внимания внешний вид своей недисциплинированной армии, он, путем упорной и энергичной работы, почти незаметно, успел реорганизовать ее так, что армия уже не была той шайкой грабителей, какой по существу являлась, а представляла собой кадры для подлинно народной партизанской армии, а в борьбе со своими противниками Махно начал применять и новую тактику.

Махно решил, что необходимо действовать не только быстро, но главное, производить операции вдали от железных дорог или, как он определял, «перенести борьбу с рельс на проселки, в леса и поля»...

Свою пехоту он посадил на четырехколесные легкие тачанки, с установленными на них пулеметами и, имея прекрасный конский состав, перебрасывал едущую на тачанках пехоту с поразительной быстротой то в один, то в другой участок боя, появляясь преимущественно там, где его меньше всего ждали.

Кавалерию Махно вообще берег и употреблял ее для нападений на подвергшиеся крушению воинские железнодорожные эшелоны или для преследования убогавших в панике войск противника.

Не ждали Махно и в тылу у Деникина, войска которого победоносно двигались по московским дорогам.

В то время, когда Мамонтов возвращался на отдых со своего знаменитого рейда по советским тылам, Махно со своей летучей армией совершил неожиданный рейд по тылам Деникина. Бросив Петлюру, стремительным натиском уничтожив бывший против него Симферопольский полк, он стал появляться там, где его никто не ждал, неся с собой панику и смерть и спутывая все карты Деникина.

Махно у Полтавы, Кременчуга, Константинограда, Кривого Рога...

В первых числах сентября он занял Александровск, отрезав Крым от центра. По пути Махно распускал собранные по мобилизации пополнения для армии Деникина; часть из них добровольно переходила к нему.

Махно идет дальше, – он занимает Орехов, Пологи, Токмак, Бердянск, Мариуполь и смело подвигается к Таганрогу, где была расположена ставка Деникина.

Нужно было видеть, что творилось в эти «махновские дни» в тылу Добровольческой армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.